

стически, как старость человечества — завершение истории произойдет, по его утверждению, в Судный день. Седьмой возраст наступит после второго пришествия Христа: это обновление и блаженство избранных в «Граде Божьем»⁵¹.

Историческая концепция Евсевия Кесарийского гораздо более оптимистична, чем теория Августина. Обновление человечества, по Евсевию, начинается уже с рождения Христа и особенно с победой христианства. Евсевий по существу признает поступательный ход истории, направляемый божественным провидением.

На историко-философские взгляды Евсевия оказали влияние прежде всего библейская ближневосточная традиция, а также в значительной степени Платон и неоплатоники. Евсевий высоко ценит научные и теологические познания христианских теологов и проповедников, но одновременно с глубоким уважением отзывается о языческих философах — Платоне, Пифагоре, Порфирии, Плотине и других дохристианских мыслителях. Космогонические представления Евсевия во многом эклектичны и, как показано в новейшей литературе, опираются не только на Библию, но и на Платона⁵². Евсевий соединяет библейско-христианскую и языческую истории. Основой его исторической концепции был тезис о том, что история должна быть универсальной. Эта концепция была широко воспринята в эпоху средневековья, и универсальная (всемирная) история стала идеалом средневековых историков. Итак, если сочинения Аврелия Августина давали отвлеченное, философское видение истории в христианской интерпретации, то труды Евсевия Кесарийского, и в первую очередь его «Церковная история», создали ее христианскую модель, практически важную для средневековой историографии.

С точки зрения метода изложения исторического материала сочинения Евсевия носят следы переходной эпохи. Композиция «Церковной истории», организация и распределение материала отличаются известной пестротой, а порой даже непоследовательностью. Историческое повествование разбивается многословными вставками документальных материалов. Это снижает композиционную целостность всего произведения (особенно по

⁴³ Heussi K. Zum Geschichtsverständnis des Eusebius von Caesarea. — *Wissenschaftliche Zeitschrift des Fr. Schiller Univ. Jena. Gesellsch.* — wissensch. Reihe, 1957/58, 17.

⁴⁴ Euseb. Hist. Eccles., I, 2.

⁴⁵ Calmann O. Christus und die Zeit: Die urchristliche Zeit und Geschichtsauffassung. Zürich, 1962; Quispel G. Time and History in Patristic Christianity. — *Eranos Yearbooks. Man and Time*. N. Y., 1957, vol. 3; Callahan J. F. Four Views of Time in Ancient Philosophy. Cambridge, 1948.

⁴⁶ Лосев А. Ф. Историческое время в культуре классической Греции. (Платон и Аристотель). — В кн.: История философии и вопросы культуры. М., 1975; Майоров Г. Г. Указ. соч., с. 292—298; Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 104.

⁴⁷ Momigliano A. Op. cit., p. 117.

⁴⁸ Брагинская Н. В. Указ. соч., с. 286—306. Автор статьи полагает (с. 298), что Евсевий своеобразно соединил две концепции исторического времени: эллинскую и иудейскую.

⁴⁹ Евсевий неоднократно упоминает Климента Александрийского, труды которого он широко использовал в своих сочинениях (Euseb. Hist. Eccles., V, 11; VI, 6, 11, 13—14 и др.). Особо Евсевий говорит о главном произведении Климента Александрийского — «Строматы» (Ibid., VI, 13). О Клименте Александрийском см.: Tolinton R. Clement of Alexandria. L., 1914. Vol. 1, II; Osborn E. F. The philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge, 1957; Timothy H. The early Christian Apologists and Greek Philosophy. Assen, 1973; Mayer A. Gottesbild im Menschen nach Clemens von Alexandrien. Roma, 1952; Menat A. Étude sur les «Stromates» de Clément d'Alexandrie. P., 1966; Völker W. Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus. B., 1952; Бычков В. В. Эстетические взгляды Климента Александрийского. — ВДИ, 1977, № 3.

⁵⁰ Aurelius Augustinus. De civitate Dei. Lipsiae, 1909, XXII, 30.

⁵¹ Ibid., XVIII, XXII; Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963; с. 20—21; Smalley B. Op. cit., p. 36—37; Майоров Г. Г. Указ. соч., с. 336—340; Deane H. A. Op. cit.; Markus K. Op. cit.; Callahan J. Op. cit.

⁵² Брагинская Н. В. Указ. соч., с. 286—293. Автор убедительно показал сложное, многоплановое понимание Евсевием термина «Эон», влияние на Евсевия Платона, Филона и особенно Оригена.